

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2025.60.51.023

**Особенности имплементации признаков насилия
в составе превышения должностных полномочий
сотрудниками правоохранительных органов**

Шамсунов Салих Хабибович

Доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
председатель Совета,
Общероссийская общественная организация ветеранов УИС,
119991, Российская Федерация, Москва, Житная ул., 4/1;
e-mail: shamsunov46@mail.ru

Бесчастнова Ольга Валерьевна

Кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой уголовного права и правоохранительной деятельности,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;
e-mail: beschastnova_ol@mail.ru

Челябова Залина Магомедзагировна

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и правоохранительной деятельности,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;
e-mail: zalina.chelyabova@yandex.ru

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

Превышение должностных полномочий, являясь одной из распространенных форм должностных преступлений, нередко сопряжено с применением насилия, что существенно повышает общественную опасность деяния и требует тщательного анализа с точки зрения квалификации и назначения наказания. Имплементация признаков насилия в состав

превышения должностных полномочий сотрудниками правоохранительных органов представляет собой сложную задачу, требующую четкого разграничения составов преступлений и учета различных нюансов каждой конкретной ситуации. В представленном материале исследуется актуальная проблема уголовно-правовой квалификации деяний, связанных с реализацией физического насилия должностными лицами правоохранительных органов, сотрудниками уголовно-исполнительной системы в том числе. Цель исследования заключается в разработке теоретически обоснованных и практико-ориентированных предложений по совершенствованию законодательной конструкции ст. 286 УК РФ. В результате исследования доказывается необходимость более четкой законодательной регламентации признаков насилия (его характера, интенсивности и последствий) в рамках состава превышения полномочий.

Для цитирования в научных исследованиях

Шамсунов С.Х., Бесчастнова О.В., Челябинова З.М., Слабкая Д.Н. Особенности имплементации признаков насилия в составе превышения должностных полномочий сотрудниками правоохранительных органов // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 8А. С. 172-180. DOI: 10.34670/AR.2025.60.51.023

Ключевые слова

Насилие, правоприменение, уголовно-правовая охрана, уголовно-исполнительная система, превышение должностных полномочий, преступление, посягательство, состав преступления, угроза применения насилия, пытка, специальные средства.

Введение

Проблема превышения должностных полномочий сотрудниками правоохранительных органов является одним из наиболее острых вопросов, стоящих перед современным обществом. Особую тревогу вызывает ситуация, когда такие действия сопряжены с превышением должностных полномочий и применением насилия, что не только нарушает законность, но и наносит существенный вред правам и свободам граждан, подрывает доверие к правоохранительной системе в целом. В связи с этим, детальный анализ особенностей имплементации признаков насилия в составе преступления, предусмотренного статьей о превышении должностных полномочий, представляется крайне важным для повышения эффективности правоприменительной практики и защиты конституционных прав граждан.

Применение насилия со стороны представителя государства – это наиболее грубая и очевидная форма злоупотребления властью. Такие действия подрывают основы конституционного строя, главным из которых является принцип уважения достоинства личности. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) не раскрывает, что конкретно понимается под «насилием» в контексте ст. 286 УК РФ. Это приводит к расширительному или, наоборот, излишне ограничительному толкованию. Сочетание двух элементов – злоупотребления властью и насилия – создает качественно иной уровень общественной опасности по сравнению с «обычным» превышением полномочий или насилием со стороны частного лица. Должностное лицо использует не личную силу, а силу, делегированную ему государством, против самого общества, которое оно должно защищать.

Квалифицирующими признаками превышения должностных полномочий ст. 286 УК РФ считаются деяния:

в соответствии с ч. 3:

- с применением насилия или с угрозой его применения;
- с применением оружия или специальных средств;
- с причинением тяжких последствий.

в соответствии с ч. 4:

- совершенные с применением пытки [www. УК РФ]

Вышеуказанные признаки показывают, что преступление имеет более высокую степень общественной опасности. Они могут быть использованы судом для обоснования необходимости применения более строгих мер уголовной ответственности и выбора более сурового наказания.

Квалифицирующие признаки позволяют провести различие между более серьезными случаями превышения полномочий и менее значительными, что важно для обеспечения справедливости и соотношения наказания к степени вины и общественной опасности деяния. Рассмотрим подробнее признаки.

Основное содержание

Применение насилия или угрозы его применения. Применение насилия в контексте превышения полномочий – квалифицирующий признак, который значительно влияет на ответственность должностного лица перед законом, государством и гражданами. В соответствии с частью 3 статьи 286 УК РФ, применение насилия или угрозы его применения признается как отягчающее обстоятельство, которое может привести к более строгому наказанию.

Под насилием понимается любое общественно опасное и противоправное непосредственное воздействие на жизнь и здоровье человека, его права и свободы [Галахова, 2013, с. 80].

Однако четкого определения насилия в контексте служебных преступлений в УК РФ не имеет прямого законодательного закрепления, что является пробелом в уголовном законодательстве. Вариативность насилия в уголовно-правовом значении широка.

Таковым может быть, как физическое воздействие, которое способно причинить физическую боль, такое как тактильные контакты, удары, толчки или иные действия, приводящие к негативным последствиям для состояния здоровья, нравственным страданиям или уменьшению установленных законом прав, так и психическое насилие, также известное как эмоциональное или моральное насилие, способное привести к психологической травме, включая тревожность, депрессию и посттравматическое стрессовое расстройство. Это насилие часто характеризуется дисбалансом власти и может проявляться в различных формах, таких как вербальная и невербальная агрессия, доминирующее поведение, умышленное вызывание чувства ревности, беспокойства, страха и газлайтинг (форма психологического насилия и социального паразитизма, при которой жертва начинает сомневаться в своей адекватности).

Кроме того, уголовно-правовое обозначение насилия не ограничивается дословно «насилием», а также не всегда им является действие, но и последствие. Например, ч. 5 ст. 286 УК РФ тоже зиждется на признаках, которые образуют насилие в виде последствия, хотя п. «а» ч. 2 его уже упоминает. Особенности законодательной техники квалифицированных и особо квалифицированных составов ст. 286 УК РФ демонстрируют такую их формулу, что более квалифицированный состав (ч. 5 – «Деяния, предусмотренные частью четвертой ...») включает в себя и признаки менее квалифицированного (ч. 4 – «Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей ...»), что, на наш взгляд, рождает мнение о двойном учете насилия.

Соответственно, лицо несет и ответственность с двойным учетом насилия, что конечно, нарушает принцип справедливости. В этой связи авторский коллектив обоснованно полагает, что стоит отказаться от ч. 5 (повлекшие по неосторожности смерть потерпевшего или причинение тяжкого вреда его здоровью) рассматриваемой статьи, тем более, что в Особенной части УК РФ есть соответствующие составы (ст. 109, ст. 111 УК РФ), что позволяет применить правила назначения наказания по совокупности преступлений, если превышение должностных полномочий повлекло за собой по неосторожности смерть потерпевшего или причинение тяжкого вреда его здоровью.

Квалифицирующие признаки превышения полномочий в контексте психологического насилия могут включать:

1. угрозы и принуждение - использование угроз для вызова страха или для принуждения к определенным действиям;

2. давление – психологическое давление, направленное на подчинение воли жертвы;

3. изоляция – ограничение свободы жертвы, включая социальную изоляцию;

4. манипуляции – использование манипулятивных тактик для контроля над жертвой.

Л.Р. Аптикаева отмечает, что «последствия психологического насилия являются серьёзными и долгосрочными, включая психологические расстройства, нарушение самооценки, стресс, бессонницу, панику, неврозы и проблемы в настоящем и будущем социальном развитии потерпевшего. Важно распознавать признаки психологического насилия и обращаться за помощью, чтобы предотвратить его разрушительное воздействие на жизнь и благополучие пострадавших» [Аптикаева, 2020, с. 9]. Действительно, предугадать пролонгированность психического воздействия и оценить (измерить) размер его последствий очень сложно, что делает проблематичной его объективную оценку.

Важно понимать, что для того, чтобы действия должностного лица были квалифицированы как превышение полномочий с применением насилия, необходимо, чтобы насилие было совершено в связи с исполнением служебных обязанностей. В случае, если насилие применяется вне контекста исполнения служебных функций, то оно может рассматриваться по другим статьям УК РФ и, соответственно, другим составам преступлений.

К этому же признаку относится и угроза применения насилия. Под угрозой применения насилия понимается запугивание лица путем совершения в отношении него насильственных действий. Подразумеваются угрозы физического вреда, убийство или другие формы насилия.

Угроза применения насилия может проявляться не только в прямых высказываниях о намерении применить физическое насилие, но и в демонстрации оружия или предметов, которые могут быть использованы в качестве оружия.

Использование оружия или специальных средств в контексте превышения должностных полномочий сотрудниками правоохранительных органов является одним из квалифицирующих признаков, которые также значительно увеличивают потенциальную ответственность должностного лица. Такое действие рассматривается как грубое посягательство на права и интересы граждан, а также на интересы общества и государства.

Обращает на себя внимание уточнение о том, что «использование оружия или специальных средств в качестве квалифицирующего обстоятельства превышения должностных полномочий происходит только в тех случаях, когда фактическое использование оружия или специальных средств носит физический характер (выстрел, удар прикладом автомата и т. д.) или психическое (удар резиновой дубиной), выстрел в непосредственной близости, но за пределами жертвы и иным образом, если жертва воспринимает угрозу применения оружия как реальную)

воздействие на потерпевшего» [Болтнева, 2019, с. 245]. Как видим, оружие применяется в той или иной указанной форме для усиления эффекта противоправного воздействия на потерпевшего.

Еще один признак причинение тяжких последствий в контексте превышения должностных полномочий относится к ситуациям, когда действия должностного лица приводят к серьезным негативным последствиям, которые могут включать смерть, тяжкий вред здоровью, значительный материальный ущерб или иные серьезные нарушения ... Этот квалифицирующий признак значительно усиливает ответственность и предусматривает более строгое наказание, поскольку такие последствия отражают высокую степень общественной опасности деяния. Причинение тяжких последствий может быть результатом как активных действий, так и бездействия должностного лица, если это бездействие приводит к указанным выше последствиям.

В юридической практике проблемы квалификации таких действий могут включать оценку характера «тяжких последствий», разграничение единичного сложного деяния от совокупности преступлений, а также конкуренцию соответствующих уголовно-правовых норм.

В целях избежать подобных правовых казусов, требуется тщательный анализ обстоятельств дела и доказательств, подтверждающих причинно-следственную связь между действиями должностного лица и наступлением тяжких последствий. Полагаем, оценочный характер этого признака не дает четких критериев причисления последствий к тяжким, соответственно, делает сложной объективную оценку содеянного, что, в свою очередь, усложняет реализацию принципа законности. И здесь весьма кстати приходится мнение П.С. Яни, что «неумение обосновать в приговоре тяжесть наступивших последствий должностного преступления приводит к изменению судебного решения и исключению из обвинения указания на соответствующий квалифицирующий признак» [Яни, 2014, с. 32].

Еще одним квалифицирующим признаком выступает деяние, совершенное с применением пытки, введенным Федеральным законом в 2022 г. Обратим внимание, что подобный законопроект был также подготовлен Уполномоченным по правам человека в РФ в 2019 г., но не получил должной доработки. Своеобразным катализатором законодательного процесса послужили обнародованное применения насилия (в том числе сексуального), пыток и издевательств, которые были совершены в отношении осужденных, содержащихся в туберкулезной больнице № 1 УФСИН России по Саратовской области [<https://www.kommersant.ru/doc/5771486>].

Проблема данного признака в самом толковании. Проблема толкования пыток заключается в неоднозначности и сложности определения того, что именно составляет пытку, и какие действия могут быть квалифицированы как таковые. Неопределенность возникает из-за отсутствия единого, общего определения пытки, которое способствовало бы единообразному пониманию. Присутствует сама сложность в трактовке того, какие действия могут быть квалифицированы как пытка. Например, степень физического или психологического воздействия, необходимая для того, чтобы действие считалось пыткой, может изменяться. Указанное создает пространство для субъективной оценки и потенциально различного правоприменения соответствующей нормы.

Кроме того, вышепоименованный анализ порождает вывод, что законодатель все же говорит в нем о насилии – как физическом так и психическом.

В свете вышесказанного, справедливым считаем вывод, предлагаемый С.А. Пичугиным относительно новеллы о пытках, что до появления соответствующего особо квалифицирующего признака правоприменитель квалифицировал как подобные действия как совершенные с применением насилия [Пичугин, 2022, с. 625].

Выше мы анализировали признак насилия (п. «а» ч. 3), а также ч. 5 ст. 286 УК РФ. Аналогично с выводами относительно этих признаков напрашивается вывод, что квалификация деяния по ч. 4 ст. 286 УК РФ также влечет за собой двойной учет насилия, так как, по сути, говорит тоже о насильственных действиях. В связи с этим данная норма, на наш взгляд является уголовно-правовым наслоением, нарушающим принцип справедливости. Соответственно, по нашему частно-научному мнению считаем необходимым упразднить названную норму.

Л.Е. Забияка считает «целесообразным ввести в УК РФ отдельный состав относительно пыток, учитывая их распространённость и повышенную общественную опасность без привязки к определённой категории субъектов» [Забияка, 2024 с. 128]. Как видим, автор ратует за исключение этого признака, но по иным, чем мы, доводам.

Заключение

Таким образом, подчеркиваем важное значение признака насилия как квалифицирующего признака для понимания превышения должностных полномочий сотрудников правоохранительных органов, а также его многообразие и влияние на квалификацию содеянного в зависимости от интерпретации исследуемого признака. Подчеркнем необходимость более точного закрепления характеристик насилия в статье 286 УК РФ.

Библиография

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025)
2. Аптикиева, Л. Р. Последствия психологического насилия для разных возрастных категорий / Л. Р. Аптикиева // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2020. – № 1(224). – С. 6-13.
3. Баранов, Н. В. Отграничение состава превышения должностных полномочий от смежных составов преступлений: злоупотребление должностными полномочиями / Н. В. Баранов // Закон. Право. Государство. – 2025. – № 2(46). – С. 169-171. – EDN UHBP1Y.
4. Безверхов А.Г., Норвартян Ю.С. «Соотношение категорий “насилие” и “угроза” в современном уголовном праве России». Вестник Санкт-Петербургского университета. Право 4: 2018. 522–534. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2018.405>
5. Болтнева, В. С. Применение оружия или специальных средств как квалифицирующие обстоятельства превышения должностных полномочий / В. С. Болтнева, Ю. В. Баглай // Современная юриспруденция: Актуальные вопросы, достижения и инновации: Сборник статей XXV Международной научно-практической конференции, Пенза, 20 декабря 2019 года. – С. 245-247.
6. Галахова, А. В. Квалификация насильственных действий при превышении должностных полномочий (статья 286 УК РФ) / А. В. Галахова // Российское правосудие. – 2013. – № 8(88). – С. 78-88.
7. Горшкова, Н. А. Превышение должностных полномочий сотрудниками уголовно-исполнительной системы России с применением пытки: вопросы правовой регламентации на современном этапе / Н. А. Горшкова, Т. А. Зезюлина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9 (75), № 1. – С. 458-463. – EDN KKDBNW.
8. Забияка, Л.Е. О дефектности статьи 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий» // Юридическая гносеология. - 2024. № 3. - С. 128-131.
9. Кожевников, А. К. Особенности квалификации превышения должностных полномочий, сопряженного с применением насилия / А. К. Кожевников // Правовое регулирование государственного управления в сфере интеллектуальных прав и информационных технологий в современных социально-экономических условиях : Сборник научных статей / Под редакцией Т.В. Шукиной, А.В. Мазеина, В.В. Свечниковой. – Москва : ООО "Русайнс", 2023. – С. 159-165.
10. Мерзлякова, В. А. Некоторые вопросы квалификации состава превышения должностных полномочий, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов / В. А. Мерзлякова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2013. – № 3. – С. 39-41. – EDN RMRWGW.
11. Пичугин, С. А. Некоторые аспекты ответственности за превышение должностных полномочий в свете изменений, внесенных в уголовный кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 14 июля 2022 года № 307-ФЗ / С. А. Пичугин // Уголовно-исполнительная система на современном этапе с учетом реализации

Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: Сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции по проблемам исполнения уголовных наказаний, Рязань, 17–18 ноября 2022 года. Том 2. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. – С. 624-630.

12. Романенко, М. А. Некоторые аспекты уголовной ответственности должностных лиц за превышение должностных полномочий с применением насилия / М. А. Романенко // Юрист-Правоведъ. – 2011. – № 5(48). С. 32-35.
13. Тюнин, В. И. Некоторые аспекты ответственности за превышение должностных полномочий с применением насилия / В. И. Тюнин // Уголовное право. – 2025. – № 5(177). – С. 49-56. – DOI 10.52390/20715870_2025_5_49.
14. Угольников, Л. М. Уголовно-правовая характеристика состава злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий / Л. М. Угольников // Юридический факт. – 2022. – № 172. – С. 19-20. – EDN GRONEQ.
15. Фильченко, А. П. О критериях оценки общественной опасности правонарушающего поведения должностных лиц пенитенциарных учреждений / А. П. Фильченко // Российское правосудие. – 2013. – № 7(87). – С. 78-82.
16. Яни, П. С. Вопросы квалификации должностных преступлений в Постановлении Пленума и судебной практике / П. С. Яни // Законность. – 2014. – № 4(954). – С. 28-33.

Features of Implementing Violence Characteristics into the Composition of Excess of Official Powers by Law Enforcement Officers

Salikh Kh. Shamsunov

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Chief Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Chairman of the Council,
All-Russian Public Organization of Penal System Veterans,
119991, 4/1, Zhitnaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: shamsunov46@mail.ru

Ol'ga V. Beschastnova

PhD in Legal Sciences, Associate Professor;
Head of the Department of Criminal Law and Law Enforcement,
Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: beschastnova_ol@mail.ru

Zalina M. Chelyabova

PhD in Legal Sciences;
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Law Enforcement,
Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: zalina.chelyabova@yandex.ru

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

Excess of official powers, being one of the common forms of official crimes, is often accompanied by the use of violence, which significantly increases the public danger of the act and requires thorough analysis from the perspective of qualification and sentencing. The implementation of violence characteristics into the composition of excess of official powers by law enforcement officers represents a complex task requiring clear differentiation of criminal elements and consideration of various nuances in each specific situation. This study examines the current problem of criminal law qualification of acts involving the implementation of physical violence by law enforcement officials, including employees of the penal system. The aim of the research is to develop theoretically substantiated and practice-oriented proposals for improving the legislative framework of Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation. The study demonstrates the necessity for clearer legislative regulation of violence characteristics (its nature, intensity, and consequences) within the framework of the composition of excess of powers.

For citation

Shamsunov S.Kh., Beschastnova O.V., Chelyabova Z.M., Slabkaya D.N. (2025) Osobennosti implementatsii priznakov nasiliya v sostave prevysheniya dolzhnostnykh polnomochiy sotrudnikami pravookhranitel'nykh organov [Features of Implementing Violence Characteristics into the Composition of Excess of Official Powers by Law Enforcement Officers]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (8A), pp. 172-180. DOI: 10.34670/AR.2025.60.51.023

Keywords

Violence, law enforcement, criminal law protection, penal system, excess of official powers, crime, encroachment, corpus delicti, threat of violence, torture, special means.

References

1. «Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii» ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 31.07.2025) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.09.2025)
2. Aptikieva, L. R. Posledstviya psihologicheskogo nasiliya dlya raznyh vozrastnykh kategorij / L. R. Aptikieva // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2020. – № 1(224). – S. 6-13.
3. Baranov, N. V. Otgranichenie sostava prevysheniya dolzhnostnykh polnomochij ot smezhnykh sostavov prestuplenij: zloupotreblenie dolzhnostnymi polnomochiyami / N. V. Baranov // Zakon. Pravo. Gosudarstvo. – 2025. – № 2(46). – S. 169-171. – EDN UHBPIY.
4. Bezverhov A.G., Norvartyan Yu.S. «Sootnoshenie kategorij “nasilie” i “ugroza” v sovremennom ugolovnom prave Rossii». Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo 4: 2018. 522–534. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2018.405>
5. Boltneva, V. S. Primenenie oruzhiya ili special'nykh sredstv kak kvalificiruyushchie obstatel'stva prevysheniya dolzhnostnykh polnomochij / V. S. Boltneva, Yu. V. Baglaj // Sovremennaya yurisprudenciya: Aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovacii: Sbornik statej XXV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Penza, 20 dekabrya 2019 goda. – S. 245-247.
6. Galahova, A. V. Kvalifikaciya nasilstvennykh dejstvij pri prevyshenii dolzhnostnykh polnomochij (stat'ya 286 UK RF) / A. V. Galahova // Rossijskoe pravosudie. – 2013. – № 8(88). – S. 78-88.

7. Gorshkova, N. A. Prevyschenie dolzhnostnyh polnomochij sotrudnikami ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossii s primeneniem pytki: voprosy pravovoj reglamentacii na sovremennom etape / N. A. Gorshkova, T. A. Zezulina // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2023. – T. 9 (75), № 1. – S. 458-463. – EDN KKDBNW.
8. Zabiya, L.E. O defektnosti stat'i 286 UK RF «Prevyschenie dolzhnostnyh polnomochij» // Yuridicheskaya gnoseologiya. – 2024. № 3. – S. 128-131.
9. Kozhevnikov, A. K. Osobennosti kvalifikacii prevyscheniya dolzhnostnyh polnomochij, sopryazhennogo s primeneniem nasiliya / A. K. Kozhevnikov // Pravovoe regulirovanie gosudarstvennogo upravleniya v sfere intellektual'nyh prav i informacionnyh tekhnologij v sovremennyh social'no-ekonomicheskikh usloviyah : Sbornik nauchnyh statej / Pod redakciej T.V. Shchukinoj, A.V. Mazeina, V.V. Svechnikovoj. – Moskva : OOO "Rusajns", 2023. – S. 159-165.
10. Merzlyakova, V. A. Nekotorye voprosy kvalifikacii sostava prevyscheniya dolzhnostnyh polnomochij, sovershaemyh sotrudnikami pravoohranitel'nyh organov / V. A. Merzlyakova // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudenciya. – 2013. – № 3. – S. 39-41. – EDN RMRWGW.
11. Pichugin, S. A. Nekotorye aspekty otvetstvennosti za prevyschenie dolzhnostnyh polnomochij v svete izmenenij, vnesennyh v ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii Federal'nym zakonom ot 14 iyulya 2022 goda № 307-FZ / S. A. Pichugin // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema na sovremennom etape s uchetom realizacii Konceptii razvitiya ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda: Sbornik tezisev vystuplenij i dokladov uchastnikov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii po problemam ispolneniya ugolovnyh nakazanij, Ryazan', 17–18 noyabrya 2022 goda. Tom 2. – Ryazan': Akademiya prava i upravleniya Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazanij, 2022. – S. 624-630.
12. Romanenko, M. A. Nekotorye aspekty ugolovnoj otvetstvennosti dolzhnostnyh lic za prevyschenie dolzhnostnyh polnomochij s primeneniem nasiliya / M. A. Romanenko // Yurist "Pravoved". – 2011. – № 5(48). – S. 32-35.
13. Tyunin, V. I. Nekotorye aspekty otvetstvennosti za prevyschenie dolzhnostnyh polnomochij s primeneniem nasiliya / V. I. Tyunin // Ugolovnoe pravo. – 2025. – № 5(177). – S. 49-56. – DOI 10.52390/20715870_2025_5_49.
14. Ugol'nikova, L. M. Ugolovno-pravovaya harakteristika sostava zloupotrebleniya dolzhnostnymi polnomochiyami i prevyscheniya dolzhnostnyh polnomochij / L. M. Ugol'nikova // Yuridicheskij fakt. – 2022. – № 172. – S. 19-20. – EDN GRONEQ.
15. Fil'chenko, A. P. O kriteriyah ocenki obshchestvennoj opasnosti pravonarushayushchego povedeniya dolzhnostnyh lic penitencijnyh uchrezhdenij / A. P. Fil'chenko // Rossijskoe pravosudie. – 2013. – № 7(87). – S. 78-82.
16. Yani, P. S. Voprosy kvalifikacii dolzhnostnyh prestuplenij v Postanovlenii Plenuma i sudebnoj praktike / P. S. Yani // Zakonnost'. – 2014. – № 4(954). – S. 28-33.